
РЕЦЕНЗИЯ

В. К. ХАРЧЕНКО

**РЕЦЕНЗИЯ НА:
Б. Н. ТАРАСОВ. «ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА» И
ТАЙНА ИСТОРИИ: НЕПРОЧИТАННЫЙ
ЧААДАЕВ, НЕОПОЗНАННЫЙ ТЮТЧЕВ,
НЕУСЛЫШАННЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ. —**

СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2012. — 352 с.

Новую книгу Б. Н. Тарасова отличает глубокий уровень подхода, актуальность и новизна оценок. В подзаголовке три автора: наиболее изученный, в чем-то модный, востребованный за границей Достоевский; Тютчев, рассматриваемый чаще и глубже как поэт, но отнюдь не как философ. Наконец, Чаадаев, отношение к которому повернуто на диагноз.

Выровнять эти три линии, три вектора мысли — задача не из легких, но помогают определяющие слова: непрочитанный, неопознанный, неслышанный. И это в России — стране, заведомо литературоцентричной, где писатель заведомо воспринимается как пророк. Ценность книги Б. Н. Тарасова прежде всего в том, что она дает бой стандартным оценкам — во-первых; а во-вторых — проецирует этику мировоззренческого подхода троих писателей на сегодняшний день, когда мы имеем, что имеем.

Беда современной этико-философской мысли заключается в том, что она не встраивается в мейнстрим современности. По мысли Г. Сунягина, у нас в вузах преподают не философию, а историю философии [Сунягин, 2011, с. 147–156]. Современный политический дискурс и медиа-дискурс — увы и ах! — далеки от науки, научные наработки в них не встраиваются. Б. Н. Тарасову удалось совместить научный подход — с цитатами, анализом, аргументацией — и политико-публицистический подход, в свете которого многие высказывания Чаадаева, Тютчева, Достоевского, впрочем, и других авторов, упоминаемых в книге, звучат более чем злободневно. В триаде писателей Чаадаеву уделено больше внимания, поскольку философско-этическая мысль Чаадаева менее известна современному читателю.

Покоряет блестящее владение литературой вопроса. В орбиту анализа и дискуссии втянуты авторы, которых мы бы вряд ли когда-нибудь прочитали, но которые помогают понять духовно-психологическое состояние, например, Чаадаева, манеру философа оставлять карандашные пометки на полях. Автор

не только обращается к О. Г. Шереметьевой — исследователю библиотеки Чаадаева, но и сам комментирует пометки на полях книг.

Б. Н. Тарасов раскрывает мучительный путь Чаадаева в попытке согласовать притязания ума с «покорной верой» (с. 55), демонстрирует прозорливость философа: «Нельзя сделать открытия, не предполагая заранее, затем оно доказывается и подтверждается наблюдением, опытом и рассуждением, но всегда необходимо делать предположение» (с. 58). В теории исследовательской мысли идея «предположения» зазвучала лишь с середины XX века. Не удержимся, чтобы не процитировать еще одно высказывание Чаадаева, которое автор книги аргументированно трактует как весьма злободневное: «Необходимо добиться, чтобы новшество из-за одной новизны своей никогда... не ценилось». Как замечательно вписывается это предостережение Чаадаева в ситуации в науке и образовании сегодня! А требование Чаадаева отказаться от роковой экзистенциальной привычки все относить к себе, дабы обрести «рассудок без эгоизма»? И писатель останавливается подробно на положительных оценках Чаадаевым нравственных элементов русской культуры, которые так часто замалчиваются или подвергаются сомнению.

Но даже не это составляет главный пафос рецензируемой книги. Автор пишет о набирающем обороты процессе политизации мыслей и даже чувств, под прессом которой оказываются «не успевающие сказать свое цельное и полное слово мыслители и писатели прошлого. Они снова подвергаются обрезанию, превращаются в какой-то подсобный материал для «плюралистической» борьбы и достижения общественно-политических целей» (с. 71–72).

Автору не раз приходится давать бой, например, Ольге Кучкиной, увидевшей в самом храбром в нашей литературе герое — Петре Гринева — лишь «худосочную дворянскую спину» (ну-ка сказать Пугачеву, что коль скоро присягу дал, то не нарушу, против него же и пойду) и приписывающей Чаадаеву в качестве единственной заслуги обличение крепостного права (с. 73).

Не менее интересны и рельефны страницы, посвященные другому философу — Тютчеву. Б. Н. Тарасов не единожды открывает нам известное имя с неизвестной, актуальной для нас стороны. Как-то мы даже пытались отследить, сколько раз цитируется тютчевское «Умом Россию не понять...», дабы не цитировать ничего другого, не менее глубокого. И Б. Н. Тарасов раскрывает нам поэта, философа с удивительной стороны, например, через возражение Шеллингу: «Сверхъестественное лежит в глубине всего наиболее естественного в человеке. У него свои корни в человеческом сознании, которые гораздо сильнее того, что называют разумом» (с. 116). Ф. И. Тютчев переживал, что преобладающим аккордом становится принцип личности, «доведенный до какого-то болезненного неистовства» (с. 119), что теоцентризм сменился антропоцентризмом: всякая власть исходит от человека, что не есть хорошо... Увы и ах! Редкая диссертация по лингвистике не начинается сейчас с реверанса именно антропоцентризму. Модное слово отнюдь не безобидно. Тютчев не познан. «Не плоть, а дух растлился в наши дни».

Книгу хочется пересказывать и цитировать, зачитывать фрагменты, а ведь это показатель профессионализма автора и своевременности идей и акцентов. Мераб Мамардашвили писал о поступке, философии поступка, невыгодного человеку, но побуждающей совершить высоконравственный

шаг. Оказывается, эта мысль восходит еще к Тютчеву (может быть, все-таки к стоикам, ко Христу?), писавшему о необходимости «различать наше Я от нашего не-Я» и нашла продолжение в работах Михаила Бахтина, Питирима Сорокина. Православие — это не только храмы и обряды, это еще и поведение, отношение к близким. Особый разговор вызывает вынесенная в название одной из глав строка митрополита Московского и Коломенского Филарета «Недостатки охранителей обращаются в оружие разрушителей». Идея «идеального самодержавия» должна найти в обществе «достойных и талантливых выразителей». Скольким решениям недостает сейчас достойных и талантливых выразителей, чтобы не менять, а сохранять, не разрушать, а отстраивать, не конфликтовать, а объединяться!

Особое место в книге уделено Достоевскому, причем с анализом ходячих трафаретов, с одной стороны, и анализом специфики творчества писателя, с другой. Например, учета того факта, что Достоевский был психолог явный, что в прозе писателя нет усредненных типов. В этих главах Б. Н. Тарасов поднимает пласты исследователей, которых редко цитировали, но идеи которых заслуживают внимания и оценки. И еще что ценно: Достоевский вписан в круг своего чтения. И мальчиком под влиянием романов ужасов и тайн Анны Радклиф, и состоявшимся писателем, восхищающимся гением Гюго, и защищающим христианский свет Татьяны, и рекомендовавшим дочери читать и перечитывать Диккенса. Мы часто, исследуя крупных писателей, сразу переходим к творчеству, не учитывая воздействия на них корпуса прочитанного, принятого и не принятого сердцем. Отсюда гениальность и точность идеи, попытка показать носителей идеалов (князя Мышкина, Алешу Карамазова) среди реально живущих людей. «Зосима отмечает двойное благотворное воздействие конкретного добра — на личность, его совершающую, и на того, на кого оно направлено» (с. 346). Тексты Достоевского — тому подтверждение.

Выше мы упомянули литературоцентричность россиян, не раз отмечающуюся исследователями (А. М. Панченко, Ю. М. Лотман) и писателями-публицистами (В. Пьецух). Но вот что интересно. Обилие звезд первой величины на общелитературном небосклоне приводит к тому, что мыслителей, изучавшихся автором, продолжают исследовать все пристальнее, а другим писателям уделяется все меньше и меньше внимания. То есть образуются сгустки интереса. Задача отечественных литературоведов — регулировать этот в чем-то неизбежный процесс. Б. Н. Тарасов свою глубокую и интересную книгу посвятил как раз тому, чтобы П. И. Чаадаев был нами прочитан, Ф. И. Тютчев — познан, а Ф. М. Достоевский — наконец-то услышан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сунягин Г. Философия в университетском сообществе // Нева, 2011, № 2. СПб., 2011. С. 147–157.

Поступила в редакцию 20. 12. 2013